УДК 81

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.2.44

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ, ФЕМИЛИНГВИСТИКА И РЕФОРМАЦИЯ ЯЗЫКА

© С. Г. Шафиков

Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32..

Тел.: +7 (987) 134 49 88.

Email: sagit.shafikov@yandex.ru

Статья посвящена идее реформирования языка в духе принципов феминистской лингвистики. Реформирование языка имеет целью либо лингвистическую политкорректность для смягчения болезненной реакции у отдельного человека вследствие дискриминации по признаку расы, возраста, здоровья и т.д., либо гендерную нейтрализацию мужского доминирования в языке. Естественный язык сохраняет преобладание местоимений и существительных с признаками маскулинности, что может восприниматься как «мужской сексизм», который феминистика стремится нейтрализовать с помощью громоздких языковых структур, нарушающих принцип экономности языка и создающих впечатление языковой игры. В целом критика языка с позиции лингвистического феминизма заслуживает полноценной контр-критики за волюнтаризм и субъективизм, в частности за попытку реформировать язык с учетом интересов лишь одного общественного движения, за деструкцию традиционной стереотипичной дихотомии «мужчина» – «женщина» и перестройку существующего языка в язык женский, за некомпетентность, в частности за отождествление понятий пола и грамматического рода, за возрождение сильной версии гипотезы лингвистической относительно-сти, из которой следует вывод о доминировании языковой формы над мышлением.

Ключевые слова: асимметрия, критика, лингвистический феминизм, нейтрализация, политкорректность, реформирование языка, сексизм, феминистика.

Любая рефлексия по поводу языка включает его критику, которая характеризует отношения между языком и обществом [7]. Можно выделить два основных направления языковой критики.

Первое направление, основанное на теоретической критике «языка вообще», т.е. в отвлечении от индивидуальных черт конкретных языков, представляет так называемый логический анализ языка [2; 4; 9; 15].

Второе направление, основанное на критике конкретных языков, имеет «запретительно-рекомендательный» характер, связанный с использованием некоторых групп слов. Идеино это направление восходит к неогумбольдтианскому течению в лингвистике, точнее, к гипотезе языковой относительности. В этом смысле критика конкретных языков вытекает из критики языка как родового понятия. Так, «поздний» Эдвард Сепир указывает, что не реальность определяет язык, а, наоборот, само восприятие реальности зависит от языка: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем окружающий мир именно так, а не иначе главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [10, с. 175].

В настоящее время идея существования жесткой связи между языком и менталитетом, провозглашенная гипотезой языковой относительности, практически не имеет сторонников, если не считать попытки реформирования языка в духе политкорректности. Такую задачу ставит перед собой *феминистика* как радикальное продолжение гендерной лингвистики, или как прикладное направление

в лингвистике, которое вдохновляется идеями феминистического движения.

Реформирование языка может иметь разные цели, разные идейные направления, такие как *лингвистическая политкорректность* и *лингвистический феминизм*. Общее между этими направлениями состоит во вмешательстве в процесс коллективного языкового творчества, в навязывании дискурсу субъективно более предпочтительных форм выражения по сравнению с традиционными формами.

Однако между этими направлениями существует важное различие. Лингвистическая политкорректность стремится к правке в языковых структурах всего того, что может вызывать болезненную реакцию у отдельного человека, характеризующего по признаку расы, возраста, здоровья и т.д. Оправданием такой правки служит ущемленное положение определенных слоев населения (чернокожих, пожилых, больных и т.д.), поэтому такая реформа языка находится как бы вне критики.

Другое дело – лингвистический феминизм, который обращается не к ущемленной части социума, а к его доброй половине, стремясь к гендерной нейтрализации так называемого языкового сексизма. Впервые проблема женской речи и места женщины в языке с позиции лингвистического феминизма поднимается в статье Р. Лакофф [14]. Лингвистический феминизм исходит из того, что языковой сексизм гнездится в сознании современного человека, пропитанного независимо от его пола «идеями и ценностями мужской идеологии» [5, с. 139]. Отсюда декларируется необходимость эквивалентного представления женского начала во всех языко-

вых структурах, которые вроде бы недостаточно respectfully отражают роль женщин в общественной жизни.

Впрочем, желание женщин придать языку более respectfully вид существовало всегда. Достаточно вспомнить гоголевских светских дам в их стремлении «облагородить» русский язык: «Еще нужно сказать, что дамы города N отличались подобно многим дамам петербургским, необыкновенною осторожностью и приличием в словах и выражениях. Никогда не говорили они: «я высморкалась», «я вспотела», «я плюнула», а говорили: «я облегчила себе нос», «я обощлась посредством платка». Ни в коем случае нельзя было сказать: «этот стакан или эта тарелка воняет». И даже нельзя было сказать ничего такого, что бы подавало намек на это, а говорили вместо того: «этот стакан нехорошо ведет себя», или что-нибудь вроде этого. Чтоб еще более облагородить русский язык, половина почти слов была выброшена вовсе из разговора, и потому весьма часто было нужно прибегать к французскому языку, зато уж там, по-французски, другое дело: там позволялись такие слова, которые были гораздо помягче упомянутых» (Н. В. Гоголь. «Мертвые души»).

Реформаторы языка от феминистского движения считают обидным для себя традиционно сложившееся в языке использование наименований лица по признаку пола и – взамен традиции – выдвигают принципы нейтрализации «обидных слов»:

1) «визуализация» каждого из двух полов, при которой утрачивается обобщающая функция наименования лица мужского рода, способная обозначать как мужское, так и женское лицо;

2) «симметрия» при назывании лиц разного пола с учетом коннотации слов, которые могут привести к смысловой ошибке;

3) «равенство шансов», которое означает, что мужчины и женщины должны чувствовать одинаковое к ним отношение и равенство между собой, когда кто-то обращается к ним в общей форме;

4) использование женского наименования перед мужским при параллельном назывании лиц мужского и женского пола [1, с. 52].

Нетрудно заметить внутреннее противоречие этих принципов; так, принцип «равенства шансов» не может не противоречить принципу использования женского наименования перед мужским. Возникает языковой «сексизм наоборот»: вместо мужского доминирования появляется женское. Такой «сексизм наоборот» можно сравнить с «расизмом наоборот» в США, который наблюдается в последнее время: доминирование белого большинства заменяется доминированием черного меньшинства во всех сферах общественной жизни.

Главной ареной борьбы за реформацию языка служат наиболее распространенные европейские языки, которые обычно изучаются в качестве ино-

странных в большинстве стран мира. Развитие языков показывает наличие как симметрии, так и асимметрии в отношении существительного, обозначающего лицо определенного пола.

В одних случаях симметрия оказывается фикцией, поскольку в ряде наименований лица, имеющих как мужской, так и женский вариант, можно усмотреть скрытую асимметрию, которая выражается в деривации женского наименования от мужского. Например, в немецком языке традиционный суффикс деятеля *-er* воспринимается феминистками как мужской, поэтому для соответствующей номинации женского лица используется суффикс *-in*, однако в производной номинации почему-то одновременно сохраняется «мужской» суффикс *-er*: *Kanzler* → *Kanzlerin*, *Fahrer* → *Fahrerin*, *Arbeiter* → *Arbeiterin*. Если же такой суффикс в мужской номинации отсутствует, асимметрия все равно остается, поскольку в отличие от мужского корневого эквивалента женский эквивалент является суффиксальным дериватом: *Freund* → *Freundin*, *Matros* → *Matrosin*, *Kapitan* → *Kapitanin*. Подобная асимметрия наблюдается и в других языках, например, в русском: *ассистент* → *ассистентка*, *поэт* → *поэтесса*, *писатель* → *писательница* и т.д.

В других случаях симметрия достигается за счет парных суффиксов, например, в романских языках. Так, в итальянском языке мужские и женские наименования лица образуются от корневой основы с присоединением соответствующего гендерно маркированного суффикса и поэтому выглядят вполне симметрично: *cameriere* «официант» ↔ *cameriera* «официантка», *parrucchiere* «парикмахер» ↔ *parrucchiera* «парикмахерша», *operaio* «рабочий» ↔ *operaia* «рабочая», *giornalaio* «продавец газет» ↔ *giornalaia* «продащица газет», *lavoratore* «работник» ↔ *lavoratrice* «работница», *pittore* «художник» ↔ *pittrice* «художница»; исключения составляют существительные с суффиксом *-essa*: *studente* «студент» ↔ *studentessa* «студентка», *poeta* «поэт» ↔ *poetessa* «поэтесса»; небольшую группу составляют эписемы с суффиксом *-ista*, которые позволяют дифференцировать пол лица с помощью артикля мужского или женского рода: *il/la barista* «работник бара», *il/la musicista* «музыкант», *il/la tassista* «таксист».

Во французском языке симметрия осуществляется за счет парных суффиксов, дифференцирующих лицо по полу, как в итальянском языке: *vendeur* «продавец» ↔ *vendeuse* «продащица», *travailleur* «работник» ↔ *travailleuse* «работница», *ouvrier* «работник» ↔ *ouvrière* «работница», *traducteur* «переводчик» ↔ *traductrice* «переводчица», *instituteur* «учитель» ↔ *institutrice* «учительница». Так же, как в итальянском языке, значительное число номинаций лица составляют эписемы, которые в зависимости от ситуации употребляются с определенным родовым артиклем: *un/une médecin* «врач», *un/une peintre* «художник», *un/une*

maire «мэр», *un/une auteur* «автор». Значительная часть таких эпислов может содержать изначально мужской суффикс, вызывающий недовольство феминисток: *acheteur* «покупатель», *mécanicien* «машинист», *fontainier* «водопроводчик» и т.д.

В английском языке использование форм общего рода при отсутствии гендерной функции артикля вроде бы решает проблему «равенства шансов», если не считать суффикс деятеля *-er/or*. Опозиция таких слов, как *waiter* – *waitress*, *actor* – *actress*, делает этот суффикс мужским в глазах женских реформаторов языка, поэтому считается, что все имена деятеля типа *writer* «писатель», *worker* «рабочий», *walker* «ходок», *sleeper* «спящий», *dreamer* «мечтатель» и т.д. подлежат реформированию.

В случае необходимости язык всегда находит способ выразить пол лица, поэтому вряд ли имеет смысл ставить вопрос о требовании гендерной симметрии, как это делает феминистика. Этот принцип можно использовать лишь в отношении искусственных языков, таких как эсперанто, в то время как естественный язык, асимметричный по определению, не стремится к жесткой регламентации в отношении гендера. Именно этим объясняется существование эпислов, которые сами по себе не различают пол лица и при этом могут охватывать большую часть лексики, как в английском языке.

Лингвистический феминизм стремится заменить естественную эволюцию языка как структурно-системного образования эволюцией искусственной, получая «удовлетворение» за оскорбление в духе дуэлянтов прежних времен. Однако оскорбленной может чувствовать себя и другая сторона. Так, в полном соответствии с логикой лингвистического феминизма выражение *этот мужчина* – *неординарная личность* можно считать обидным для мужского достоинства, так как слово *личность* в русском языке относится к женскому роду. Украинских феминисток может возмущать асимметричная оппозиция слов *чоловік* «мужчина» ↔ *жінка* «женщина», поскольку первое слово означает также «человек»; значит, имеет место «мужское доминирование», однако синонимом этого слова в значении «человек» выступает *людина*, слово женского рода, которое – при желании – можно толковать как свидетельство «женского доминирования».

Таким образом, прямая экстраполяция пола и рода недопустима [3, с. 19–35]. Как подчеркивает А. М. Кузнецов, традиционное преобладание в языке существительных мужского рода само по себе еще не свидетельствует о «мужском сексизме» языка [8, с. 184].

Любопытно отметить различия в степени восприятия мужского доминирования феминистками разных культур, использующими материал своих родных языков, что, очевидно, влияет на глубину радикализма феминистских реформ. Так, если западным феминисткам язык видится андроцентрич-

ным и поэтому «обидным», то русских феминисток это трогает гораздо меньше, поэтому они не чувствуют себя второстепенными по отношению к мужчинам [6, с. 9–10].

В отличие от американских и европейских реформаторов языка, «зацикленных» на изобретении женских наименований лица, в русском языке «обидными» словами считаются именно такие слова, как *гроссмейстера*, *врачиха*, *поэтесса*, *писательница* и т.д. Эти номинации характеризуются снисходительной коннотацией, поэтому говорящий (особенно женщина) предпочитает использовать эквивалентные мужские номинации как более престижные: *поэтесса* → *поэт*, *учительница* → *учитель*, *работница* → *работник*. Показательно, что формой множественного числа таких номинаций служит мужская производная единственного числа; ср.: *студент/студентка* → *студенты*, *актер/актриса* → *актеры*, *учитель/учительница* → *учителя*. В заимствованных словах женский эквивалент множественного числа может вообще отсутствовать; ср.: *министр* → *министры*, *космонавт* → *космонавты*, *президент* → *президенты* и т.д., и это мало смущает «носительниц» языка. Поскольку неприемлемое в поведении гендерных маркеров одной культуры может быть вполне приемлемым для другой, трудно рассчитывать на получение результатов реформации языка, универсально приемлемых для всех языков мира.

Замена «обидных» слов нейтральными, которую предлагают реформаторы языка, борясь за лингвистическую политкорректность, обычно приводит к более громоздким структурам; ср. в английском языке: *bald* «плешистый» → *hair disadvantaged* (дословно «находящийся в невыгодном положении по части волос»); *housewife* «домохозяйка» → *domestic engineer* (дословно «домашний инженер»); *stewardess* «стюардесса» → *flight attendant* (дословно «сопроводитель полета»); *postman* «почтальон» → *post person*; *policeman* «полицейский» → *police officer* (дословно «служащий полиции») → *law enforcement officer* (дословно «чиновник по обеспечению правопорядка»); *handicapped* «инвалид» → *physically challenged* (дословно «физически неполноценный»); *bum* «бродяга» → *homeless person* (дословно «бездомный») → *displaced homeowner* (дословно «смещенный домовладелец»); *old person* «старый человек» → *gerontologically advanced* (дословно «геронтологически продвинутый»); *convict* «заклученный» → *socially separated* (дословно «социально изолированный»).

Громоздкая замена нарушает принцип экономности языка, вызывая как бы «сопротивление материала», или «отпор» естественного образования попытке его искусственного окультуривания. Улучшая «обидный» смысл, выраженный простой структурой, сложная структура подтверждает справедливость известной русской сентенции о двух концах палки. Впрочем, лингвистический феминизм

низм имеет основания гордиться изобретением таких способов «визуализации» пола, которые ограничиваются одним словом.

Большинство западных феминисток считает оскорбительным для себя соединение в одной языковой единице таких смыслов, как «общее» и «мужское», например использование личного местоимения «он» для выражения смысла «человек вообще» (ср. *he* в английском языке, *il* во французском языке, *er* в немецком языке и т.д.), или использование существительного со значением «мужчина» также в значении «человек», что характерно для многих языков (ср. *man* в английском языке, *Mann* в немецком языке, *homme* во французском языке, *uomo* в итальянском языке, *hombre* в испанском языке, *homem* в португальском языке, *adam* в турецком языке).

Соединение этих смыслов в одном слове может показаться результатом сознательной стратегии, направленной на увеличение мужского компонента в номинациях лица [16]. Однако это мнение не подтверждается историей языка. Например, вплоть до конца XVII – начала XIX в. слово *man* в английском языке могло обозначать человека обоего пола. «Женский смысл» этого слова можно найти в произведениях таких поэтов, как Александр Поуп, Джон Драйдер, Уильям Купер. Так, фразой *a wonderful man* английский историк описывает британскую принцессу [11], и так же нормально звучала фраза *a little girl grows up to become a man*; если бы в этом предложении слово *woman* заменило бы слово *man*, это расценивалось бы как ненужная эмфаза [13].

Для «восстановления» гендерной симметрии в ход снова идут громоздкие конструкции, а также триплеты с тремя смыслами: «мужское наименование» – «женское наименование» – «нейтральное наименование»; ср., например, в английском языке: *senator* – *lady senator*, *doctor* – *woman doctor*, *spokesman* – *spokeswoman* – *spokesperson*, – *chairman* – *chairwoman* – *chairperson* и т.д.

Орфография также служит для фемингвистики средством нейтрализации мужского начала, например, в английском языке предлагается вместо слова *woman* «женщина» писать *womyn*, чтобы избежать ассоциации со словом *man* «мужчина». Германские е-феминистки устраняют «гендерную обиду» с помощью заглавных букв, например, буквосочетание *eR* в относительных местоимениях устраняет ассоциацию с мужским местоимением *er*: *jedeR* «каждый/каждая», *dieseR* «это/эта». Любопытно, что первоначальное предложение использовать «разнополюе» номинации лица типа *Studenten und Studentinnen* «студенты и студентки» сейчас уже кажется недостаточно радикальным (вместо мужского производного *Studenten* «студенты»), поэтому предлагается только форма женского рода с заглавной буквой в суффиксе: *StudentInnen*. Еще более радикальную форму устранения всего

мужского можно усмотреть в следующих трансформациях: *Emanzipation* «эмансипация» → *Efrauzipation*, *Mansarde* «мансарда» → *Frausarde* и т.д.

Деривационный потенциал английского языка позволяет создавать смешные неологизмы с «женским компонентом», который, как в философском законе отрицания отрицания, как бы спорит с кажущимся «мужским компонентом». Некоторые из этих курьезных номинаций даже зафиксированы в словаре Webster: *history* «история» → *herstory* «женщины в истории человечества», *hero* «герой» → *shero* «женщина-герой»; особенно забавным кажется слово *Christa* «дочь божья», которое полемизирует со словом *Christ* «сын божий» и т.д. и т.п.; ср. также следующие дериваты: *hear* «слышать» → **shear* «слышать женщину», *heave* «вздвигаться» (о груди) → **sheave* «вздвигаться» (о женской груди), *heed* «обращать внимание» → **sheed* «обращать внимание на женщину или женщин», *heel* «пятка» → **sheel* «женская пятка», *heap* «куча» → **sheap* «куча женщин» (или «женская куча»), *hee-haw* «громкий хохот» → **shee-haw* «громкий женский хохот», *manned* «укомплектованный кадрами» → **womanned* «укомплектованный женщинами», *manner* «способ» → **ladyner* «женский способ», *man-made* «сделанный человеком» → **lady-made* «сделанный женщиной», *mandarin* «отсталый руководитель» → **girlardin* «отсталая руководительница», *mandate* «наказ» → **ladydate* «женский наказ», *maneuver* «манипуляция» → **girluerver* «женская манипуляция», *manifesto* «манифест» → **girlfesto* «феминистский манифест», *manipulate* «умело обращаться» → **girlipulate* «умело обращаться с женщиной», *womanize* «распутничать с женщинами» (о мужчинах) → **manize* «распутничать с мужчинами» (о женщинах). Не исключено, что кое-какие неологизмы из этого списка фемингвистика может со временем взять на вооружение.

Такие производные создают впечатление языковой игры, которая как бы служит ответной критикой в отношении феминистской критики естественного языка.

В интернете получил широкую известность Словарь феминизма Генри Бирда и Кристофера Серфа [12]. Ср. несколько примеров из английского языка: *woman* «женщина» → *vaginal-American*; *girl* «девушка» → *pre-womyn* (дословно «предженщина»); *blind* «слепой» + *optically darker* (дословно «оптически более темный») → *photonocally non-receptive* (дословно «невосприимчивый к свету»); *deaf* «глухой» → *visually oriented* (дословно «ориентированный на зрение»); *poor* → *disadvantaged* (дословно «находящийся в невыгодном положении» → *economically unprepared* (дословно «экономически неподготовленный») → *philosophy major* (дословно «студент, специализирующийся в философии»); *drug addict* «наркоман» → *chemically challenged* (дословно «химически неполноцен-

ный»); *ugly/fat woman* «некрасивая или толстая женщина» → *alternative body image* (дословно: «альтернативная внешность»).

Резюмируя, можно заключить следующее. Критика языка с позиции лингвистического феминизма заслуживает полноценной контр-критики за волюнтаризм и субъективизм, в частности за попытку реформировать язык с учетом интересов лишь одного общественного движения, за деструкцию традиционной стереотипичной дихотомии «мужчина» ↔ «женщина» и перестройку существующего языка в язык женский, за некомпетентность, в частности за отождествление понятий «пол» и грамматический род, за возрождение сильной версии гипотезы лингвистической относительности, из которой следует вывод о доминировании языковой формы над мышлением.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропова Н. А. К вопросу гендерно-корректного употребления немецкого языка // Гуманитарный вектор. 2016. №3. С. 49–55.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования. Философские работы. Т. 1. М., 1994. С. 80–319.
3. Добровольский Д. О., Кирилина А. В. Феминистская идеология в гендерных исследованиях и критерии научности // Гендер как интрига познания. М., 2000. С. 19–35.
4. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Вестник МГУ. Серия 7 Философия. №6. 1993. С. 11–26.
5. Кирилина А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (Философский и методологический аспекты) // Общественные науки и современность. 2000. №4. С. 138–143.
6. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. №2. С. 1–17. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/02/25/1208583128/OZ_2005_2_Kirilina_Tomskaya.pdf
7. Кронгауз М. Критика языка. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_09.htm
8. Кузнецов А. М. Феминизм и лингвистика: гендерные аспекты языка // Человек: образ и сущность: (Гуманит. аспекты): Ежегодник-2005. М., 2005. С. 165–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-i-lingvistika-gendernye-aspekty-yazyka>
9. Мур Дж. Опровержение идеализма // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1987. С. 242–265.
10. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. Л.: Соцэкгиз, 1934. 223 с.
11. Шаров К. С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // Вопросы философии. 2010. №3. URL: http://vphil.rulindex.php?option=com_content&task=view&id=117.
12. Beard H., Cerf Ch. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. N.Y., 1992. URL: <https://archive.org/details/officialpolitica00bear>
13. Culler J. Structuralist Poetics: Structuralism, Linguistics, and the Study of Literature. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1977. 301 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/structuralistpoe00cull>
14. Lakoff R. Language and Women's Place // Lang. in Soc. L., 1973. №2. Pp. 28–36.
15. Russel B. The Philosophy of Logical Atomism. L.-N.Y.: Routledge Classics, 2010. 162 p. URL: <https://sites.ualberta.ca/~francisp/NewPhil448/RussellPhilLogicalAtomismPears.pdf>
16. Schmidt C. Typisch weiblich – typisch männlich. Geschlechtstypisches Kommunikationsverhalten in studentischen Kleingruppen. Tübingen, 1988. 209 S.. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/3530584-typisch-weiblich---typisch-männlich>

Поступила в редакцию 31.05.2021 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.2.44

POLITICAL CORRECTNESS, FEMILINGUISTICS AND REFORMATION OF LANGUAGE

© S. G. Shafikov

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Phone: +7 (987) 134 49 88.
Email: sagit.shafikov@yandex.ru*

The article is devoted to criticism of the idea of reforming language according to the principles of feminist linguistics. Reformation of language is aimed either at political correctness in linguistic strictures to alleviate the painful response of human beings discriminated by race, age, health, etc., or at neutralizing the masculine gender domination in language. A natural language retains prevalence of pronouns and nouns qualified as masculine, which may be conceived as “male sexism” and which feminist linguistics strives to neutralize by means of unwieldy linguistic structures breaking the principle of economy in language and leaving the impression of language game. In general, criticism of language from the standpoint of linguistic feminism deserves adequate counter-criticism for voluntarism and subjectivism that includes in particular reformation of language with a focus on the interests of only one social movement, for destroying the traditional stereotypical dichotomy of “man” – “woman” and transformation of natural language into female language, for incompetence that includes in particular equation of such notions as natural and grammatical gender, for reviving the strong version of the hypothesis of linguistic relativity which asserts domination of linguistic form over thought.

Keywords: asymmetry, criticism, femilinguistics, linguistic feminism, neutralization, political correctness, reformation of language, sexism.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Antropova N. A. Gumanitarnyi vektor. 2016. No. 3. Pp. 49–55.
2. Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniya. Filosofskie raboty [Philosophical Investigations. Philosophical works]. Vol. 1. Moscow, 1994. Pp. 80–319.
3. Dobrovol'skii D. O., Kirilina A. V. Gender kak intriga poznaniya. Moscow, 2000. Pp. 19–35.
4. Karnap R. Vestnik MGU. Seriya 7 Filosofiya. No. 6. 1993. Pp. 11–26.
5. Kirilina A. V. Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2000. No. 4. Pp. 138–143.
6. Kirilina A. V., Tomskaya M. V. Otechestvennye zapiski 2005. No. 2. Pp. 1–17. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2010/02/25/1208583128/OZ_2005_2_Kirilina_Tomskaya.pdf
7. Krongauz M. Kritika yazyka. URL: https://ruthenia.ru/logos/number/1999_03/1999_3_09.htm
8. Kuznetsov A. M. Chelovek: obraz i sushchnost': (Gumanit. aspekty): Ezhegodnik-2005. Moscow, 2005. Pp. 165–185. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feminizm-i-lingvistika-gendernye-aspekty-yazyka>
9. Moore G. Oproverzhenie idealizma. Istoriko-filosofskii ezhegodnik. Moscow: Nauka, 1987. Pp. 242–265.
10. Sapir E. Yazyk. Vvedenie v izucheniye rechi [Language: An introduction to the study of speech]. Leningrad: Sotsekgiz, 1934.
11. Sharov K. S. Voprosy filosofii. 2010. No. 3. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=117.
12. Beard N., Cerf Sh. The Official Politically Correct Dictionary and Handbook. N.Y., 1992. URL: <https://archive.org/details/officialpolitica00bear>
13. Culler J. Structuralist Poetics: Structuralism, Linguistics, and the Study of Literature. Ithaca, NY: Sornell University Press, 1977. [Elektronnyi resurs]. URL: <https://archive.org/details/structuralistpoe00cull>
14. Lakoff R. Lang. in Soc. Leningrad, 1973. No. 2. Pp. 28–36.
15. Russel B. The Philosophy of Logical Atomism. L.-N.Y.: Routledge Classics, 2010. 162 p. URL: <https://sites.ualberta.ca/~francisp/NewPhil448/RussellPhilLogicalAtomismPears.pdf>
16. Schmidt S. Typisch weiblich – typisch männlich. Geschlechtstypisches Kommunikations-verhalten in studentischen Kleingruppen. Tübingen, 1988. 209 pp.. URL: <https://www.goodreads.com/book/show/3530584-typisch-weiblich---typisch-männlich>

Received 31.05.2021.